

М. В. ЧУРИЛОВ

ЭТО БЫЛО В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Любовь сильнее памяти

18+

Максим Чурилов

Это было в прошлой жизни

«Автор»

2026

Чурилов М. В.

Это было в прошлой жизни / М. В. Чурилов — «Автор», 2026

Пронзительная и глубоко эмоциональная психологическая драма о том, как одна секунда может разрушить привычный мир, а годы уходят на то, чтобы собрать его заново. Жизнь Макса превратилась в череду потерь и звенящую пустоту. Изматывающая депрессия, рухнувшие отношения с Эмили и, как фатальная точка невозврата, — страшная автомобильная авария. Макс оказывается на грани между жизнью и смертью, сломленный физически и морально. Но в самый темный час рядом появляется сиделка по имени Хлоя, которая шаг за шагом возвращает его к реальности. Однако у каждого героя есть свои болезненные тайны, и прошлое не готово отпустить просто так. Это честная, жесткая и откровенная история о предательстве и преданности, о попытках сбежать от себя и о любви, которая может как спасти, так и окончательно уничтожить. Смогут ли герои простить друг друга и самих себя? Что они выберут: остаться в обломках прошлого или найти силы отпустить его, чтобы начать новую жизнь?

© Чурилов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чёрные зонты	5
Глава 2. Свинцовый прилив	13
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Максим Чурилов

Это было в прошлой жизни

Глава 1. Чёрные зонты

Дождь начался еще до рассвета. Он не барабанил по стеклам в истерике и не хлестал наотмашь, как это бывает во время летних бостонских гроз. Это был тягучий, методичный, ледяной ноябрьский дождь — из тех, что незаметно проникают под кожу, забираются в легкие и оседают там привкусом ржавчины и сырости. Капли монотонно, с пугающей регулярностью метронома, ударялись о жестяной карниз старого викторианского дома на окраине Кембриджа.

Кап. Кап. Кап. Каждый удар отдавался глухим, пульсирующим эхом в пустой черепной коробке Макса. Кап... Кап... Что-то, пожалуй, в этом было... Тысячи лет эта вода путешествует по миру, и как никто из нас видит смерть и человеческое горе. Дождь помогает нам, небеса выражают те чувства, что мы не всегда способны подарить этому дню...

Он сидел на самом краю разобранной кровати, сгорбившись, уперев острые локти в колени, и неотрывно смотрел на свои руки. В комнате царил тяжелый, сизый полумрак. Тусклый уличный свет едва пробивался сквозь плотные льняные шторы, выхватывая из темноты лишь медленно кружащиеся в воздухе пылинки. В доме было тихо... Не просто тихо — это была мертвая, звенящая тишина остановившегося времени. Больше не гудел кислородный концентратор в соседней комнате, равномерно накачивая воздух в легкие, которые отказывались работать. Не скрипели половицы под грузными шагами ночной сиделки. Не было слышно слабого, надрывного, булькающего кашля, который последние полгода заставлял Макса вскакивать посреди ночи в холодном поту, с колотящимся в горле сердцем.

Всё закончилось. Три дня назад...

Макс медленно моргнул, физически чувствуя, как под веками скрежещет сухой песок. Он не спал уже почти семьдесят часов. Его тело функционировало на чистом автопилоте, поддерживаемое лишь литрами черного кофе и вязким, всепоглощающим чувством нереальности происходящего. Внутри него не было ни слез, ни истерике, ни того надрывного кинематографичного горя, о котором пишут в дешевых романах, всё это было в мгновение, но не имело никакого смысла. Там, где раньше пульсировала жизнь, теперь застыл тяжелый, холодный бетон. Эмоциональная кома. Радикальный защитный механизм психики, отключивший все рецепторы к чертовой матери, чтобы организм просто не умер от болевого шока. Многие пишут об этом, но прожившие хоть раз — молчат...

На прикроватной тумбочке из темного поцарапанного временем ореха коротко, агрессивно завибрировал телефон — массивная черная раскладушка «Motorola». Вибрация передалась по дереву, заставив мелко дребезжать стеклянный стакан с недопитой водой. Загорелся крошечный монохромный внешний экран, осветив угол тумбочки мертвенно-зеленым светом.

Тетя Сара. Четвертый пропущенный за это утро. Макс точно знал, что она скажет. Что нужно выезжать. Что агентство ритуальных услуг уже подготовило шатер. Что из-за дождя дороги размыло, и трафик на Сторроу-Драйв будет ужасным. Он не стал открывать крышку. Он просто сидел и смотрел, как аппарат дрожит на дереве, пока телефон не умолк, и экран снова не погас, погрузив комнату в прежнюю серость.

— Надо одеваться... Да время уже... Пора.

Он заставил себя встать. Колени отчетливо хрустнули в тишине. Воздух в спальне казался спертый, он пах застоявшейся пылью и легким, уже выветривающимся, но все еще узнаваемым ароматом камфоры и медицинского спирта — запахом угасания, который вьелся в обои, в

персидские ковры, в самую деревянную структуру этого старого дома. Макс подошел к шкафу и потянул за обшарпанную латунную ручку.

На плечиках, в матовом пластиковом чехле, висел черный костюм. Тот самый, который он купил пять лет назад на выпускной в архитектурном колледже. Кажется, много времени прошло с того счастливого времени. С тех пор он надевал его лишь однажды — на собеседование в бюро, где сейчас работал. Теперь у этого куска черной шерсти появилось новое, окончательное предназначение.

Макс потянул за собачку молнии. Сухой, резкий треск пластика разорвал тишину комнаты, царапнув по натянутым нервам.

Ткань костюма была холодной и жесткой на ощупь. Одеваясь, он действовал абсолютно механически, словно собирал макет здания, а не собственное тело. Белая рубашка. Холодные пластиковые пуговицы, скользящие в петлях под непослушными пальцами. Черные брюки. Узкий галстук.

Он подошел к ростовому зеркалу в прихожей. Оттуда на него смотрел незнакомец. Лицо осунулось, скулы заострились, обтянутые бледной кожей с едва заметным сероватым оттенком. Под глазами залегли глубокие, почти фиолетовые тени от недосыпа. Темные волосы, обычно слегка растрепанные, сейчас были безжизненно прилизаны назад. Но взгляд... Это было самое пугающее. Глаза, когда-то живые, цепкие, подмечающие каждую деталь пространства, сейчас напоминали два куска матового морского стекла. В них ничего не отражалось...

Макс стянул узел галстука под кадыком. Пальцы слегка дрожали.

«Не затягивай так туго, милый, ты же задохнешься», — фантомом, совершенно непрощено, прозвучал в голове голос матери.

Голос из того времени, когда она еще была здорова. Когда в доме пахло яблочным пирогом с корицей, свежей типографской краской утренних газет «Бостон Глоуб» и ее любимыми духами с нотками фрезии. Ему нравились эти духи, он помнил их полжизни. Макс сильно зажмурился. Сглотнул твердый, колющий ком, вставший поперек горла. Бетон внутри слегка треснул, грозясь выпустить наружу невыносимую агонию, разрушить плотину. Он усилием воли заблокировал воспоминание. Сжал челюсти так, что скрипнули зубы, развернулся на каблуках и потянулся за черным шерстяным пальто.

Выйдя на крыльцо, он окунулся в промозглый бостонский ноябрь. Ветер мгновенно забрался под воротник, обжигая беззащитную шею ледяными пальцами. Воздух был перенасыщен запахом гниющей листвы, мокрого асфальта и выхлопных газов, доносящихся откуда-то с трассы. Да до того был едким, что он почувствовал жжение в носу. На подъездной дорожке сиротливо стоял его темно-синий «Форд». На капоте лежал толстый слой мокрых, намертво прилипших к металлу кленовых листьев, похожих на чьи-то оторванные ладони.

Макс сел за руль. Кожаное сиденье жалобно скрипнуло и обдало тело холодом. Он вставил ключ в замок зажигания и повернул. Двигатель чихнул, натужно завыл, сопротивляясь сырости, захлебнулся, но со второй попытки все же завелся, наполнив салон ровным, успокаивающим гулом. Автомагнитола тут же включилась, выплюнув в тишину салона жизнерадостный поп-мотив какой-то радиостанции.

Макс резким, злым движением ударил по кнопке питания, убив звук. Он не был зол на неё, скорее на себя самого, потому что злился.

Он включил печку на максимум и активировал дворники. Старые резиновые щетки с протяжным, жалобным скрипом поползли по стеклу, смахивая воду и мертвые листья.

Вжик-вжик. Вжик-вжик. Этот ритмичный звук, похожий на дыхание больного астмой, будет преследовать его еще очень долго.

Дорога до кладбища Маунт-Оберн заняла сорок минут, которые полностью выпали из его памяти. Он вел машину на одних спинномозговых рефлексах, глядя сквозь залитое дождем лобовое стекло на размытые серые силуэты других автомобилей, на красные расплывающиеся

пятна стоп-сигналов, на прохожих, жмущихся под цветными зонтами на автобусных остановках.

Город жил своей жизнью. Люди спешили в офисы, пили обжигающий кофе из картонных стаканчиков, слушали музыку в своих громоздких mp3-плеерах, пряча белые и черные провода под шарфами, раздраженно сигналили в пробках. Для них этот вторник был просто очередным мокрым вторником. Мир не остановился, не замер в почтительной тишине от того, что персональный мир Макса только что рухнул и рассыпался в пыль. Эта мысль не вызывала злости или обиды. Она вызывала лишь глубокое, философское раздумье. Мы все — просто пыль на ветру.

Когда «Форд» свернул на извилистую дорожку, ведущую к кованым воротам кладбища, гравий глухо захрустел под шинами. Маунт-Оберн больше походил на огромный, мрачный готический парк, чем на место скорби. Вековые дубы и плакучие ивы тянули свои голые, черные, узловатые ветви к низкому свинцовому небу. Старые гранитные склепы и обелиски, потемневшие от времени и покрытые скользким зеленым мхом, сливались с осенним пейзажем в единое меланхоличное полотно.

Макс припарковался у обочины, недалеко от участка, где сквозь пелену дождя виднелся натянутый темно-зеленый брезентовый шатер. Заглушил двигатель. Скрип дворников прекратился. В наступившей тишине салона было слышно только, как тяжелые капли ожесточенно и глухо барабанят по металлической крыше машины.

Макс посмотрел на свои руки, неподвижно лежащие на оплетке руля. Бледные, с выступающими венами. Они казались чужими. Принадлежащими манекену. Он сделал глубокий, медленный вдох, наполнив легкие спертым воздухом, пропитанным автомобильным освежителем с химическим запахом искусственной ванили, от которого у него постоянно болела голова, и толкнул дверь.

Удар стихии. Ветер тут же попытался вырвать дверцу из рук, а мелкая, колючая водяная пыль мгновенно осела на волосах и скулах. Макс вышел на сырую, чавкающую траву. Его начищенные туфли сразу же погрузились в раскисшую землю, пачкаясь в рыжей грязи. Он не взял зонт. Просто забыл о его существовании. Засунув руки глубоко в карманы пальто и ссутулившись, он медленно побрел в сторону зеленого шатра.

Там уже собрались люди. Черное море раскрытых зонтов, напоминающее стаю нахохлившихся, испуганных ворон. Человек тридцать наверное было. Дальние родственники, которых он не видел годами и чьих имен не помнил; бывшие коллеги матери по университету, где она когда-то преподавала историю искусств; соседи с их улицы. Все они стояли плотным полукругом, опустив головы, пряча лица за поднятыми воротниками. Когда Макс приблизился, море зонтов бесшумно расступилось, образуя для него узкий коридор к центру.

Он шел сквозь эту толпу, физически кожей ощущая на себе их взгляды. Сочувствующие, любопытные, испуганные чужой смертностью. И как будто даже безразличные. Кто-то протянул руку в кожаной перчатке и неловко тронул его за мокрое плечо.

— Держись, сынок, — пробормотал хриплый мужской голос.

Макс даже не повернул головы, чтобы посмотреть, кто это был. От толпы пахло мокрой шерстью, старым цветочным парфюмом, нафталином, валидолом и тем специфическим затаенным страхом, который всегда источают живые рядом с мертвыми.

Он вышел в центр шатра. Прямо перед ним, над прямоугольной, пугающе ровной геометрической ямой в земле, стоял гроб из темного, матового красного дерева. На лакированной крышке лежала одинокая белая лилия, уже успевшая покрыться мелкими прозрачными каплями. Чуть поодаль переминался с ноги на ногу священник в длинной черной рясе поверх теплой куртки — пожилой мужчина с усталым, изрезанным морщинами лицом. В его руках была открытая Библия, тонкие страницы которой намокли и пошли некрасивыми волнами.

Макс остановился у самого края могилы. Взглянул вниз. Земляная стена среза была влажной, глинистой, с торчащими перерубленными желтоватыми корнями соседнего дуба. Смерть в ее самом физическом, неприглядном проявлении. Никакой романтики. Никакого перехода в лучший мир. Просто метры холодной грязи и яма в земле. Это даже как-то противно, что столь долгая и красивая жизнь заканчивается так... Бесполезно и грязно...

Священник откашлялся, прочищая горло, и начал говорить. Его голос был монотонным, ровным, отшлифованным сотнями, тысячами подобных церемоний.

— Мы собрались здесь сегодня, в этот скорбный час, под сим серым небом, чтобы проводить в последний путь нашу сестру Элеонору...

Слова сливались в непрерывный, бессмысленный фонетический гул. «Господь пастырь мой...», «прах к праху...», «в царствии небесном...». Макс не вслушивался в смысл. Его слух обострился до предела, выхватывая из пространства совершенно иные микро-звуки. Он слышал, как влажно чавкает грязь под резиновыми сапогами рабочего кладбища, стоящего поодаль с лопатой. Слышал, как крупная капля воды сорвалась с края натянутого брезентового шатра и с глухим шлепком разбилась о деревянную крышку гроба. Слышал чье-то сдавленное, ритмичное шмыганье носом за своей спиной. Вероятно, тетя Сара. Она всегда любила театрально, с надрывом поплакать на публике.

Максу вдруг стало невыносимо, до тошноты душно, несмотря на пронизывающий ноябрьский холод. Воздух под шатром казался слишком плотным, желеобразным, чтобы им дышать. Ему захотелось закричать. Заорать так, чтобы порвать голосовые связки, чтобы заглушить этот лицемерный монотонный бубнеж священника, чтобы разогнать эту фальшивую, насквозь пропитанную социальным формализмом толпу ворон. Но он продолжал стоять абсолютно неподвижно, как гранитная статуя. Только челюсти сжимались все сильнее, грозясь раскрошить эмаль зубов.

Он медленно обвел взглядом людей, стоящих напротив него, по ту сторону развернутой могилы. Серые лица, сливающиеся в одну размытую акварельную массу. Пустые, дежурные маски скорби.

И вдруг его блуждающий, мертвый взгляд споткнулся. Остановился.

Она стояла чуть поодаль от основной группы. Не под спасительным брезентовым шатром, а прямо под открытым небом, под хлещущим дождем. Без зонта. На ней было темно-синее, почти черное шерстяное пальто мужского кроя, слегка великоватое в плечах, словно снятое с чужого плеча или купленное в секонд-хенде. Руки глубоко спрятаны в карманы. Мокрые, тяжелые каштановые волосы темными прядями прилипли к бледным щекам и тонкой шее. Вода бежала тонкими струйками по ее лицу, капала с подбородка, но она, казалось, совершенно этого не замечала.

Макс смотрел на нее. А она смотрела прямо на него.

В ее взгляде не было той приторной, липкой, отвратительной жалости, которую он читал сегодня в глазах всех родственников. Не было и неловкости от присутствия на чужом интимном горе. Ее глаза — большие, темные, какие-то бездонные на бледном, омытом ледяной водой лице — излучали нечто совершенно иное. Глубокое, пронзительное, почти пугающее узнавание.

Она смотрела на него так, словно видела не его внешний, социально-приемлемый контур — молодого мужчину в мокром черном костюме, стоически стоящего у гроба матери. Она смотрела сквозь шерсть пальто, сквозь ребра, прямо внутрь. В ту самую застывшую, мертвую бетонную пустоту в его груди. Словно она сама жила в таком же бункере. Словно она знала точную радиочастоту, на которой прямо сейчас вибрировала его боль.

Время для Макса замедлилось, стало вязким, как древесная смола. Монотонный голос священника окончательно ушел на задний план, превратившись в неразборчивый белый шум телевизора, потерявшего сигнал. Шум дождя исчез. Исчезли запахи парфюма и мокрой земли.

Остался только этот зрительный контакт. Протяжный, магнетический, пробивающий насквозь мост сквозь пелену падающей воды и стену чужих черных зонтов.

Ее губы были слегка приоткрыты, она чуть заметно дрожала от холода, но не отводила огромных глаз. В какой-то неуловимый момент Макс показалось, что она хочет сделать шаг вперед, к нему через яму. Что-то в выражении ее лица дрогнуло — едва заметная тень абсолютного сострадания, от которой у него вдруг болезненно, спазмом сжалось горло.

Бетон внутри его грудной клетки впервые дал крошечную, микроскопическую трещину.

— ...и предаем тело ее земле, — вдруг резко, как пистолетный выстрел, прорвался сквозь вакуум голос священника, грубо возвращая Макса в серую реальность.

Раздался глухой, деревянный скрип. Двое рабочих в желтых дождевиках начали медленно, на широких брезентовых ремнях, опускать тяжелый гроб в яму. Этот звук — трение грубой ткани о края могилы, хруст осыпающейся глины — был самым страшным звуком в жизни Макса. Звук окончательности. Финальная точка невозврата. Мама больше никогда не приготовит кофе. Никогда не скажет, что он слишком много работает. Всё... Он никому не нужен...

Он рефлекторно опустил взгляд вниз, провожая деревянный ящик в темноту. Ком в горле стал размером с бильярдный шар, перекрыв трахею. Дышать стало физически невозможно. Кто-то вложил ему в безвольную ладонь горсть сырой, холодной, липкой земли. Макс машинально сжал ее, пачкая под ногтями, затем разжал пальцы над могилой. Комья глухо стукнули о лакированную крышку внизу. Этот звук отдался барабанным боем прямо в его висках.

Началась самая мучительная, абсурдная часть ритуала — процессия соболезнований. Люди подходили один за другим. Бесконечная вереница серых лиц, пустых слов, влажных прикосновений.

— Она была потрясающим ученым и светлым человеком, Макс... — Если тебе что-нибудь понадобится, любая мелочь, только позвони... — Время лечит, мой мальчик. Просто нужно подождать...

Он кивал. Как китайский болванчик на приборной панели. Пожимал протянутые влажные руки. Отвечал короткими, рублеными, мертвыми фразами: «Спасибо», «Я очень ценю это», «Да, конечно». Его голос звучал хрипло и чуждо, словно исходил не из его собственного горла, а из динамика старого, сломанного радиоприемника. Он механически выполнял социальный контракт, но его глаза лихорадочно, поверх чужих плеч, искали в толпе ее. Ту девушку в темно-синем мужском пальто.

Ее не было... Как и мамы... Он стоял один в окружении людей, не имеющих смысла и не мог уйти.

Он огляделся по сторонам, вытягивая шею, игнорируя бормочущую что-то ему в плечо тетю Сару. Окинул взглядом размытые дождем дорожки, ведущие к выходу с кладбища. Море зонтов постепенно рассасывалось, люди торопливо расходились по машинам, стремясь поскорее вернуться в тепло и к своим живым заботам. Но одинокой фигуры с мокрыми каштановыми волосами нигде не было. Она исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась, словно была призраком, галлюцинацией, порожденной его воспаленным, истощенным бессонницей и горем мозгом.

— Поедешь к нам на поминки, Макс? — Тетя Сара осторожно, словно он мог разбиться, коснулась его мокрого рукава. Ее глаза были красными, опухшими от слез, от нее удушающе несло валерьянкой и мятными леденцами.

— Нет, тетя Сара, — Макс мягко, но непреклонно высвободил свою руку. — Я поеду домой. Мне нужно... побыть одному. Поспать может быть...

— Но ты же ничего не ел со вчерашнего дня! Нельзя же так, милый, ты себя загонишь в могилу следом. Элеонора бы ни за что не хотела...

— Я сказал, нет, — его голос на секунду потерял вежливость, став жестким, стальным, лязгнувшим металлом.

Сара испуганно отшатнулась, прижав ладонь к груди. Макс, увидев ее испуг, тут же смягчился. Закрыв глаза. — Простите. Пожалуйста, простите меня. Просто... я не могу сейчас ни с кем говорить физически. Оставьте меня в покое. Умоляю. Не надо.

Он резко отвернулся и быстро зашагал к своей машине, не дожидаясь ответа, перепрыгивая через лужи. Дождь усилился, превратившись в плотную, непробиваемую стену серой воды. Туфли громко чавкали по грязи. Пальто насквозь промокло и стало тяжелым, как рыцарские доспехи, мучительно оттягивая плечи вниз. Каждый шаг тянул его вниз, болото под ногами обнимало его холодом, чтобы упасть ему достаточно было чуть расслабиться.

Добравшись до «Форда», Макс буквально рухнул на водительское сиденье. Захлопнул массивную дверь, словно отсекая лезвием шум внешнего мира. Салон мгновенно запотел от его тяжелого, влажного дыхания и мокрой одежды. Он положил голову на холодный пластик руля и закрыл глаза.

Тишина. Только яростная барабанная дробь дождя по металлической крыше. У него заложило уши, так что даже собственные мысли были не слышны.

Он ждал, что именно сейчас, когда он остался один, придет истерика. Что его, наконец, накроет очищающей волной рыданий, как это бывает в драматических фильмах после похорон. Он хотел заплакать. Но внутри было абсолютно, пугающе сухо. Застывшее мертвое озеро, скованное многометровым льдом.

И только одна мысль, как заноза, не давала ему покоя. Перед внутренним взором, на обратной стороне плотно сжатых век, стояло лицо той незнакомки. Ее пронизывающий, темный взгляд, полный невыносимого понимания.

Кто она? Студентка с потока матери? Дочь кого-то из забытых соседей? Почему она пришла без зонта и стояла поодаль, словно не смея приблизиться к кругу «официально скорбящих»?

Макс поднял голову, тяжело вздохнул и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель заурчал, печка снова начала гнать теплый, сухой воздух, пытаясь высушить промокшую насквозь шерсть на плечах. Он включил фары, разрезав серый полумрак кладбища двумя желтыми лучами, и медленно, стараясь не буксовать в грязи, поехал по извилистой гравийной аллее к выходу.

Выезжая за чугунные ворота Маунт-Оберн, он бросил последний долгий взгляд в зеркало заднего вида. Кладбище тонуло в осеннем тумане и дожде, превращаясь в призрачную, размытую театральную декорацию. Макс включил поворотник и влился в плотный поток машин на трассе. Он ехал в свой пустой, пахнущий лекарствами и смертью дом, совершенно не представляя, как ему проснуться завтра утром. Зачем ему просыпаться.

Дома было все так же холодно, как в склепе.

Макс не стал щелкать выключателями. Скинув мокрое, потяжелевшее пальто прямо на пол в темной прихожей, он прошел на кухню, оставляя на старом дубовом паркете грязные, мокрые следы ботинок. Ему было плевать. На столе сиротливо стояла чашка с засохшей кофейной гущей на дне — он пил из нее еще при жизни матери, в то утро, когда у нее случился последний приступ. Теперь эта чашка казалась археологическим артефактом из другой эры, из цивилизации, которая вымерла.

Он достал из верхнего шкафчика бутылку дешевого бурбона, сорвал пластиковую пломбу, не утруждая себя поисками стакана, и сделал два больших глотка прямо из горла. Обжигающий жар прокатился по пищеводу, ударив в пустой желудок. Алкоголь не принес никакого эмоционального облегчения, лишь усилил тупую пульсацию крови в висках и слегка расслабил сведенные судорогой мышцы спины.

Макс прошел в гостиную и прямо в грязных туфлях и костюме рухнул на старый кожаный диван. Снаружи стремительно темнело, тени в комнате удлинялись, приобретая зловещие, изломанные очертания. Он лежал, бессмысленно глядя в потолок, и слушал, как в углу размеренно тикают старинные напольные часы с маятником.

Тик-так. Тик-так. Время, которое для его матери остановилось навсегда, для него продолжало свой равнодушный, неумолимый бег.

Он закрыл глаза, моля о том, чтобы провалиться в небытие, но вместо спасительной пустоты перед ним снова и снова возникало бледное лицо, обрамленное мокрыми прядями каштановых волос. В груди, там, где должна была зиять невыносимая боль утраты, вдруг слабо, неуверенно шевельнулось крошечное, почти незаметное любопытство. Единственная живая эмоция за трое суток. Маленькая, робкая искра жизни в огромном бетонном саркофаге.

С этой хрупкой мыслью Макс, наконец, провалился в тяжелый, липкий, лишенный сновидений химический сон. За окном продолжал монотонно хлестать осенний бостонский дождь, смывая следы сегодняшнего дня.

Последующие три недели слились для Макса в один бесконечный, серый, тягучий, как патока, день.

Он превратился в призрака, блуждающего по лабиринтам собственного дома. Взял срочный неоплачиваемый отпуск в архитектурном бюро, сухо сообщив по электронной почте о «семейных обстоятельствах». Он перестал отвечать на звонки. Когда стационарный телефон в коридоре начинал надрывно, истерично звонить, Макс просто стоял, прислонившись плечом к стене, и пустыми глазами смотрел на аппарат, пока не щелкал автоответчик, записывая очередное взволнованное сообщение от тети Сары или встревоженных коллег. В конце концов, на седьмой день, он просто выдернул шнур из розетки. Его мобильная «Моторола» давно разрядилась и валялась где-то под диваном, мертвая и бесполезная.

Он перестал бриться. Ел только тогда, когда желудок начинал сводить болезненными спазмами — в основном сухие хлопья прямо из коробки или консервированный суп, который разогревал прямо в банке.

Днем он механически, как запрограммированный робот-ликвидатор, собирал вещи матери в картонные коробки. Это была изощренная, мучительная форма тактильной самоистязательной терапии. Он снимал с вешалок ее платья, вдыхая остатки духов, перебирал старые, затертые виниловые пластинки с джазом, сортировал по алфавиту тяжелые книги по истории искусств.

Каждая вещь была якорем, тянущим на дно памяти. Фарфоровая чайная пара со сколотым краем, из которой она пила только по воскресеньям. Старый кожаный блокнот с ее неровным, летящим, торопливым почерком — списки покупок вперемешку с цитатами из Гете. Билет на балет «Щелкунчик» четырехлетней давности, служивший закладкой в томике стихов. Наполовину пустой флакон крема для рук на ночном столике.

Он паковал свою прошлую жизнь в грубый картон, заклеивал широким коричневым скотчем — резкий, рвущий уши звук отрываемой липкой ленты эхом разносился по пустому дому — и сдвигал коробки в угол гостиной, методично строя из них баррикаду. Защитную стену. Мавзолей.

Но к концу третьей недели, когда ноябрь вступил в свои самые темные и холодные права, дом стал невыносим. Запах камфоры, лекарств и розовой воды окончательно выветрился, уступив место мертвому запаху пыли, нежилого помещения и немытого тела самого Макса.

Стены начали физически давить. Старые викторианские обои с тускнеющим цветочным узором, казалось, сужались, по миллиметру сдвигаясь к центру комнат, выкачивая из пространства последний кислород. Макс начал просыпаться по ночам от того, что задыхался, судорожно хватая ртом спертый воздух.

Ему нужен был воздух. Ему нужно было пространство, не ограниченное стенами, впитавшими агонию и смерть.

Пространство, где нет коробок, прошлого и тишины. Пространство, которое будет громче, чем его собственные мысли.

Утром двадцать второго дня он бросил моток скотча на пол, взял с тумбочки ключи от машины и вышел за дверь.

Глава 2. Свинцовый прилив

Трасса 1А уходила на север, виляя ужом вдоль изрезанного скалами побережья Массачусетса. Старый синий «Форд» Макса с глухим рычанием пожирал мили влажного, блестящего асфальта, разрезая плотный, молочный туман, неумолимо ползущий с океана на материк.

Из приоткрытого на пару дюймов окна дул пронизывающий ноябрьский ветер, но Макс не поднимал стекло. Ему физически был необходим этот агрессивный холод. Он отрезвлял, замораживал липкие, гниющие мысли, заставлял кожу на лице стягиваться, а руки покрываться колкими мурашками. Это было болезненное, но спасительное напоминание о том, что его тело все еще функционирует, гоняет по венам кровь, даже если внутри, в районе солнечного сплетения, все давно и безнадежно вымерло.

Он не планировал эту поездку. Просто в какой-то момент, стоя посреди гостиной, превращенной в картонный мавзолей из коробок с вещами матери, он почувствовал, что задыхается. Он бросил недопитую, остывшую чашку кофе прямо в раковину — звук ударившегося о сталь фарфора эхом отлетел от стен, — схватил ключи, накинул старую, потертую на локтях кожаную куртку поверх свитера и вышел из дома, даже не запевев дверь на верхний замок.

Машина, казалось, сама вынесла его за пределы Бостона. Мимо проносились сонные осенние пригороды: Линн, Свампскотт, Марблхед. Одинаковые аккуратные дома с пожухлыми газонами, пустые веранды, с которых уже давно убрали летнюю мебель. Макс смотрел на них сквозь лобовое стекло, как на декорации к фильму, который он больше не хотел смотреть.

К полудню, когда серое небо стало еще плотнее, словно налившись свинцом, он свернул на узкую, присыпанную колотым гравием дорогу, ведущую к пляжу «Крессент-Блафф».

Это было дикое, неприветливое место к северу от Глостера, полумесяцем врезающееся в изломанный, скалистый берег. Летом сюда изредка забредали туристы-одиночки или местные подростки, ищущие уединения, но поздней осенью пляж принадлежал только крикливым чайкам и яростным штормовым ветрам.

Макс заглушил двигатель на пустой грунтовой парковке. Перед ним, за узкой полосой пожелтевшей, примятой ветром дюнной травы, расстилалась бескрайняя, кипящая серая масса.

Атлантический океан штормило. Тяжелые, трехметровые волны цвета мокрого асфальта и бледной синевы с первобытным ревом обрушивались на песчаный берег. Они разбивались в грязную белую пену и с шипением отступали, обнажая мокрые, черные валуны, похожие на спины спящих доисторических китов. Низкое небо нависало над самым горизонтом, стирая границу между водой и воздухом, сливаясь в единую мрачную, давящую палитру.

Здесь было шумно. Оглушительно, тотально шумно.

Рев прибоя, гул перекачивающихся на дне камней и непрерывный, высокий свист ветра сливались в единый, очищающий звуковой хаос. Это было именно то, что инстинктивно искал Макс. Мощь, способная своей амплитудой заглушить микроскопическую, но невыносимую тишину его пустого дома.

Он толкнул дверцу машины. Ветер тут же ударил в грудь, попытался сорвать с плеч кожаную куртку, растрепал отросшие за три недели изоляции волосы, швырнув их в глаза. Макс сделал глубокий вдох. Воздух был густым, тяжелым, он обжигал легкие. Он был насквозь пропитан резким запахом соли, гниющих на берегу водорослей, йода и сырого, холодного гранита.

Этот запах не имел ничего общего с деликатными, удушливыми ароматами человеческого горя — ладаном, формалином или увядающими лилиями. Океан пах равнодушием. Ему было абсолютно плевать на человеческие трагедии, на сиротство, на смерть. В этой колоссальной, слепой безразличности стихии Макс впервые за месяц нашел странное, извращенное утешение.

Он спустился по ветхим деревянным ступенькам, наполовину засыпанным нанесенным песком, на сам пляж. Влажный, спрессованный отливом песок глухо пружинил под тяжелыми ботинками. Макс пошел вдоль зигзагообразной линии прибоя, опустив голову, засунув окочевшие руки глубоко в карманы куртки. Ледяная вода периодически накатывала, облизывая подошвы его обуви — тех самых туфель, в которых он стоял на кладбище, — и с шуршанием отступала назад, утягивая за собой обломки панцирей крабов и перламутровые осколки ракушек.

Он шел, не считая времени, не чувствуя дистанции, просто машинально переставляя ноги в ритме накатывающих волн. В голове было пусто. Настоящая, стерильная пустота, выметенная ветром, которая, наконец-то, не причиняла фантомной боли. Это была анестезия.

И вдруг он остановился.

Метрах в пятидесяти впереди, у самой кромки воды, там, где волны с особой жестокостью разбивались о гранитный мыс, стояла человеческая фигура.

Макс прищурился, защищая глаза от летящих соленых брызг и мелкого песка, больно секущего лицо. Сердце, до этого бившееся ровно, глухо и лениво, вдруг споткнулось о ребра и замерло на долю секунды.

На фигуре было темно-синее, почти черное мужское шерстяное пальто. Широкие полы отчаянно, как сломанные крылья, трепал ветер. Девушка стояла спиной к нему, ссутулившись, обхватив себя руками за плечи, словно пытаясь удержать внутри остатки тепла. Ее длинные, густые каштановые волосы метались на ветру, спутываясь в узлы.

Она.

Та самая девушка с кладбища Маунт-Оберн. Девушка без зонта, чье бледное лицо, стекающие по подбородку капли дождя и пронзительный, пугающе понимающий взгляд преследовали его каждую ночь, когда он закрывал глаза.

Разум Макса забуксовал, отказываясь обрабатывать информацию. Как она здесь оказалась? Это случайность? Безумное совпадение? Или у него все-таки начались клинические галлюцинации на почве затяжного стресса и истощения нервной системы? Пляж Крессент-Блафф находился в сорока милях от его дома в Кембридже. Встретить здесь хоть кого-то в разгар рабочего вторника в ноябре было маловероятно; встретить ее — статистически невозможно.

Он стоял, парализованный собственной нерешительностью, пока ледяная вода омывала его ботинки. Инстинкт самосохранения, выработанный и отточенный за последние недели, истощенно требовал развернуться и уйти. Вернуться в машину. Спрятаться обратно в свою раковину, не впускать никого в свое разрушенное, неприглядное пространство.

Но ноги, вопреки всякой логике, сами сделали шаг вперед. Мокрый песок глухо захрустел под подошвами.

— Возможно мне нужно с кем-то познакомиться, — тихим голосом подумал он вслух пытаясь себя убедить.

Он подходил к ней медленно, со спины, словно боясь спугнуть дикое животное. Чем ближе он подходил, тем реальнее она становилась. Никакая это была не галлюцинация. Он уже видел темные катышки на грубой шерсти ее пальто, видел, как напряжена тонкая линия ее шеи, как побелевшие от холода пальцы судорожно сжимают поднятый воротник.

За оглушительным грохотом волн она физически не могла слышать его шагов. Макс остановился в трех шагах от нее, оказавшись в зоне ее невидимой орбиты.

— Вы стояли под дождем без зонта, — произнес он.

Его голос прозвучал неестественно хрипло, надтреснуто, сорванно от долгого молчания. Звук едва пробился сквозь стену ветра, но девушка вздрогнула так сильно, словно он коснулся ее оголенным проводом.

Она резко обернулась.

Их взгляды снова встретились. Как тогда, три недели назад, через зияющую глиняную могилу.

Ее лицо покраснело от ледяного ветра, кончик носа слегка припух, а на длинных ресницах дрожали то ли мелкие брызги океана, то ли невыплаканные слезы. В ее темных, глубоко посаженных глазах на секунду мелькнул инстинктивный испуг. И снова — тем самым глубоким, обезоруживающим, сканирующим пониманием, от которого у Макса напрочь перехватило дыхание.

— Я думала, вы меня не заметили тогда, — ее голос оказался неожиданно низким, но всё еще достаточно женственным, с легкой, приятной бархатной хрипотцой. В нем не было ни капли фальшивого удивления или кокетства.

— Заметил, — Макс не отводил взгляда, борясь с желанием сутулиться. Он чувствовал себя странно уязвимым, раздетым до костей, стоя здесь, на продуваемом всеми ветрами краю континента, перед совершенно незнакомым человеком. — Кто вы были ей?

Девушка слабо, едва заметно уголками губ, улыбнулась. Эта улыбка не коснулась ее глаз. Она отпустила воротник пальто и засунула озябшие красные руки в глубокие карманы.

— Я Эмили, — сказала она. — Меня зовут Эмили.

— Макс.

— Я знаю.

Очередная тяжелая волна с пушечным грохотом разбилась о гранитный валун в паре метров от них, окатив обоих плотным облаком ледяной водяной пыли. Макс инстинктивно зажмурился и отвернул лицо. Когда он снова открыл глаза, то увидел, как Эмили, не дрогнув, по привычке неосознанно слизывает соленые капли с обветренных губ.

— Вы знали мою мать? — спросил он, задавая вопрос, который мучил его все эти недели, пульсируя в висках бессонными ночами.

Эмили медленно покачала головой, глядя куда-то за его правое плечо, на бушующий серый горизонт.

— Нет. Я никогда не видела Элеонору при жизни. И даже не знала ее имени до того дня.

Этот ответ сбил Макса с толку. Вся логика рушилась. Нахмурившись, он сделал еще один шаг ближе, вторгаясь в ее личное пространство, чтобы им не приходилось перекрикивать ветер.

— Тогда что вы делали на ее похоронах? — в его голосе прорезалась жесткая, оборонительная нота. — И почему смотрели на меня... так?

Эмили опустила глаза. Носком своего старого замшевого ботинка, уже изрядно испачканного песком и пропитанного соленой водой, она начала методично ковырять гладкий черный камень, наполовину ушедший в песок. Повисла тяжелая, плотная пауза, заполненная только равнодушным ревом океана.

Макс уже решил, что перешел черту. Что она сейчас просто повернется и молча уйдет прочь, оставив его наедине с этой загадкой. Он даже почувствовал укол сожаления. Но Эмили вдруг снова подняла на него глаза. Защитные барьеры в них рухнули, и там стояла откровенная, неприкрытая, сырая боль.

— Год назад, — тихо начала она, более нежным голосом. Ветер относил ее слова в сторону, и Макс пришлось податься вперед, напрягая слух. — Ровно четырнадцать месяцев назад я потеряла младшую сестру. Лейкемия. Ей было всего девять лет...

Макс замер.

— После ее похорон... я сломалась, — голос Эмили был ровным, но в этой ровности чувствовалось колоссальное напряжение, словно она шла по натянутому канату над пропастью. — Я перестала спать. Перестала есть. Я вообще перестала разговаривать. Я часами сидела в пустой ванне и смотрела на кафель. Мой психотерапевт, когда таблетки перестали работать, посоветовала мне одну странную, жестокую вещь.

Она сглотнула, и Макс увидел, как дернулось ее горло.

— Она сказала: «Иди туда, где люди плачут легально. Иди на чужие похороны. Посмотри на чужое горе, Эмили, чтобы понять, что твое — не единственное в этом чертовом мире. Что ты не одна в этой абсолютной темноте». Сначала я подумала, что это бред. Я больше не ходила к нему, но позже мне ничего не осталось как попробовать это...

Ветер неистово трепал куртку Макса, ледяная вода просочилась сквозь швы ботинок, но он перестал чувствовать холод. В его груди, в самом центре что-то болезненно, с громким внутренним треском щелкнуло.

— Я приходила на Маунт-Оберн каждый вторник, — продолжила Эмили. Ее голос предательски дрогнул, но она упрямо, почти с вызовом смотрела ему прямо в глаза. — Как на работу. Стояла в стороне, за деревьями. Смотрела на семьи, на их слезы, слушала проповеди священников. И мне... как ни стыдно это признавать, становилось чуть легче. От понимания этого я каждый вечер корю себя, но это так. Я видела, что люди продолжают дышать даже после того, как их сердце вырвали. Я знала, что я не сумасшедшая. Вроде бы. Что я не одна. Но в тот день, на похоронах вашей мамы... я посмотрела на вас.

Она замолчала. Нижняя губа ее слегка подрагивала.

— И что вы увидели? — хрипло, почти шепотом спросил Макс. Ему казалось, что если он заговорит громче, эта девушка разобьется вдребезги.

— Я увидела человека, который умер вместе с ней, — выдохнула Эмили. — Вокруг вас стояла целая толпа. Они плакали, они говорили правильные слова сочувствия, хлопали вас по плечу. А вы были... пустым. Идеально замороженным. Я узнала этот взгляд, Макс. Господи, я сама смотрела в зеркало точно таким же взглядом почти год. Мне так сильно захотелось подойти к вам. Прорваться через эту толпу с черными зонтами и... не знаю. Просто коснуться вашей руки. Сказать вам, что вы не один. Но я испугалась. Выглядела бы как городская сумасшедшая. Меня не раз уже так называли...

Она виновато опустила голову, ее спутанные ветром волосы снова упали на лицо, скрывая бледный профиль.

Макс стоял неподвижно, оглушенный ее откровенностью. Ни один из дипломированных психотерапевтов с их мягкими креслами, ни одна тетя Сара с ее навязчивой валерьянкой не смогли подобрать тех точных, хирургических слов, которые сейчас, стоя на грязном, продуваемом пляже, произнесла эта незнакомая девушка в старом пальто.

Она не предлагала ему «держаться». Не говорила пошлых банальностей о том, что «время лечит все раны». Она просто сказала правду. Увидела его насквозь. И это было самым честным, самым живым из всего, что он слышал за весь последний месяц.

— Нет, а как вы оказались здесь? — спросил он через минуту, широким жестом обведя пустынный, бушующий пляж. — Сегодня. В этот шторм. Я не ожидал увидеть здесь людей.

Эмили вдруг слабо улыбнулась. На этот раз улыбка коснулась ее глаз, сделав их теплее. Не доставая рук из карманов, она как-то неловко повела плечом, словно извиняясь.

— Это мое секретное место. Моя персональная пещера. Я приезжаю сюда, когда в Бостоне становится слишком тесно и душно, — сказала чуть весело и с надеждой она. — Океан громче моих мыслей. Здесь можно не притворяться, что ты в порядке. А Вы?

— Я, знаете, наверное просто ехал, пока не закончилась дорога, — робко и с облегчением признался Макс.

Они стояли друг напротив друга. Двое глубоко изломанных людей на самом краю земли, разделенные метром мокрого песка и тоннами невысказанного горя. Напряжение, которое Макс носил в себе все эти три недели, которое стягивало его мышцы стальными жгутами, начало медленно, почти незаметно таять. На смену глухому отчаянию приходило странное, невероятно хрупкое спокойствие.

Эмили вдруг достала из кармана пальто серебристый прямоугольник — увесистый mp3-плеер, популярную модель с маленьким монохромным экраном, который сейчас светился

бледно-голубым. Вокруг корпуса были небрежно, тугим клубком намотаны белые провода наушников.

Она начала их распутывать. Ее пальцы — длинные, без маникюра, с коротко остриженными ногтями, пугающе покрасневшие от ледяного ветра, казалось еле двигающиеся — ловко, привычным движением справлялись с узлами.

— Знаете, что иногда помогает лучше, чем психотерапия и чужие похороны? — спросила она с небольшой подбадривающей улыбкой, не поднимая глаз от проводов, сосредоточенно распутывая последнюю петлю.

— И что же? — стеснительно и недоверчиво спросил он.

— Правильный саундтрек для конца света.

Она протянула ему один из белых пластиковых наушников-вкладышей.

Макс посмотрел на маленькую пластиковую штучку на ее ладони. Это был жест невероятной, пугающей интимности. Разделить музыку — значило впустить другого человека прямо в свою голову. Синхронизировать с ним свои нейронные ритмы, позволить ему задавать темп твоему сердцебиению.

На долю секунды в нем снова сработал въевшийся рефлекс отторжения. Оттолкнуть. Вежливо отказаться. Уйти к своей машине и запереться там.

Но он посмотрел на лицо Эмили. На ее покрасневший от мороза нос, на дрожащие от холода губы, на напряженную, отчаянную надежду в ее глазах, которая молила его не уходить. И он медленно поднял руку. Его пальцы на мгновение коснулись ее ледяной кожи. Он забрал наушник и вставил его в правое ухо.

Эмили вставила второй наушник себе, убрала плеер в глубокий карман пальто и, не глядя, нажала кнопку «Play» сквозь ткань.

Сквозь оглушающий рев океана, сквозь свист ветра, прямо в мозг пробился чистый, невероятно меланхоличный акустический перебор гитары. Это была тихая, тягучая инди-мелодия. Без слов. Только живые струны и далекое, глубокое эхо смычковых инструментов. Музыка не пыталась спорить с океаном, она не перекрикивала шторм — она органично вплеталась в него, заполняя пустоты между ударами волн, создавая идеальную, кристально чистую гармонию.

Они стояли рядом, плечом к плечу, глядя на свинцовый горизонт. Соединенные тонким белым проводом... Никто из них не произносил ни слова. Впрочем, слова были им и не нужны.

Впервые за три недели Макс почувствовал, как в его груди, где-то очень глубоко под слоем пепла, зародилось микроскопическое тепло. Оно было крошечным, как искра от удара кремня, готовая погаснуть от малейшего дуновения, но оно было настоящим. Он сделал глубокий вдох, наполняя легкие ледяным воздухом, смешанным с едва уловимым, чистым запахом влажной шерсти ее пальто.

Трек длился четыре минуты. Когда затих последний аккорд, растворившись в шуме прибоя, Эмили вытащила наушник. Макс неохотно сделал то же самое, возвращая ей. Провод скользнул по его руке, разрывая их физическую связь.

Они посмотрели друг на друга. Эмили дрожала. Сильно, всем телом. Ее губы приобрели пугающий синеватый оттенок, а зубы едва заметно выбивали дробь.

— Ты замерзла, — сказал Макс. Впервые он непроизвольно перешел на «ты». Это вышло так естественно, что ни один из них этого не заметил.

— Немного, — она попыталась улыбнуться, но губы слушались плохо. — Ветер сегодня... злой какой-то.

Макс оглянулся на крутой песчаный подъем, ведущий к парковке. Там стоял его «Форд» и, чуть поодаль, старая, покрытая пятнами ржавчины «Субару».

— Пойдем в машину. У меня работает печка. Иначе ты заработаешь пневмонию вдобавок ко всему прочему счастью.

Эмили секунду колебалась, словно оценивая уровень угрозы от этого внезапного предложения, но очередной порыв ледяного ветра, бросивший ей в лицо пригоршню мокрого песка, решил все за нее. Она кивнула.

Они молча поднялись по скрипучим деревянным ступеням. Макс открыл перед ней пассажирскую дверь своего «Форда». Она юркнула внутрь, мгновенно свернувшись в клубок на потертом кожаном сиденье и спрятав руки в рукава. Макс обошел машину, сел за руль и сразу повернул ключ. Двигатель отозвался благодарным урчанием. Он выкрутил регулятор печки до упора в красную зону.

Вентиляторы с шумом погнали в салон сухой, горячий воздух, пахнувший пылью и автомобильным пластиком. Контраст после ледяного ада снаружи был настолько резким, что кожа на лице начала болезненно покалывать тысячью иголок.

Окна машины, из-за разницы температур и их влажного дыхания, почти мгновенно запотели, отрезая их от внешнего мира. Рев океана превратился в глухой, отдаленный гул.

Макс сидел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на свои руки, лежащие на коленях. Он вдруг осознал, что в его машине сидит совершенно посторонняя девушка. Еще час назад он бы отдал все, чтобы его никто не трогал. А сейчас... сейчас ему не хотелось, чтобы она уходила, и не хотелось уйти самому.

— Спасибо, — тихо сказала Эмили. Она протянула замерзшие, побелевшие ладони к решеткам дефлекторов на приборной панели, ловя потоки горячего воздуха. От ее мокрого шерстяного пальто пошел легкий запах овечьей шерсти. — У меня в машине печка сломалась еще прошлой зимой. Денег починить всё никак не найду.

— Можно было бы потеплее одеться, если собиралась стоять на ветру, — заметил Макс, наблюдая за ее профилем.

— Я не чувствовала холода, — просто ответила она. — Точнее, я понимаю, что он есть, только когда перестаю чувствовать пальцы.

Они просидели так около получаса. Они почти не разговаривали, обменявшись лишь парой ничего не значащих фраз о маршруте, по которому каждый из них ехал сюда, и о ценах на бензин. Это был тот редкий вид тишины, который не давит на уши, не заставляет лихорадочно искать тему для разговора, чтобы заполнить неловкую пустоту. Это была тишина принятия.

Макс слушал ритмичное дыхание Эмили, смотрел, как розовеют ее щеки от тепла, и чувствовал.

Когда в салоне стало жарко, как в сауне, Эмили расстегнула пальто и вздохнула.

— Ну, мне пора. Нужно возвращаться в город. У меня ещё вечерняя смена в книжном магазине.

Она не стала просить его номер телефона. Не стала предлагать «встретиться как-нибудь попить кофе». Она просто потянула за ручку двери, впуская в теплый салон порыв океанского холодного воздуха, вышла из машины и, не оборачиваясь, пошла к своей ржавой «Субару».

Макс смотрел ей вслед сквозь протертую ладонью дыру в запотевшем стекле. Он подождал, пока двигатель ее машины заведется с характерным лязгом, пока загорятся красные задние габариты, и она медленно вырулит с гравийной парковки на шоссе.

Только после этого он включил передачу.

Дорога обратно в Бостон показалась ему вдвое короче. Вечером, когда он вошел в свой темный, тихий дом, заставленный коробками, запах пыли и застоявшегося времени никуда не исчез. Стены все так же хранили память о смерти матери.

Но когда Макс снял куртку и сел на край дивана, он поймал себя на том, что дышит. Глубоко, полной грудью, без спазма в горле. В его кармане лежал холодный брелок ключей, а в голове упрямо, на повторе, играла та самая инди-мелодия — саундтрек для конца света, который кто-то поставил на паузу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.